

СПЕЦ. ЦЕНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла

Адрес официального сайта Александры Мариной в Интернете
<http://www.marinina.ru>

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

СМЕРТЬ
И НЕМНОГО
ЛЮБВИ



МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Смерть и немного любви / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спецназ).

ISBN 978-5-699-81587-6

В одном из загсов Москвы раздается выстрел, в результате которого убита невеста. В тот же день с интервалом в два часа в другом загсе происходит аналогичная трагедия. Расследуя эти таинственные убийства, Анастасия Каменская выясняет, что многие невесты накануне получили письма с угрозами, но никто из них почему-то не обратился в милицию...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М.А., 2015

© Оформление.

ISBN 978-5-699-81587-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Рабочий день быстро катился к концу, а Анастасия Каменская никак не могла привести в порядок свои многочисленные бумажки, записи, статистические таблицы. Но порядок навести надо было непременно, потому что сегодняшняя пятница была последним рабочим днем перед отпуском. И вообще это был последний день ее незамужней жизни. Завтра, тринадцатого мая, в субботу, она, Настя Каменская, выйдет замуж.

Когда три месяца тому назад они с Алексеем Чистяковым подали заявление в загс, шуткам по этому поводу конца не было. Все знали, что Насте скоро исполнится тридцать пять, что с Чистяковым она знакома с девятого класса школы и все эти годы они были вместе, что замуж Каменская не хочет и к семейной жизни интереса не испытывает. Поэтому неожиданное ее решение вызвало у знакомых и коллег шквал вопросов, один другого ехиднее и бестактнее. Некоторые с подозрением оглядывали ее тонкую худощавую фигуру в поисках примет развивающейся беременности, другие уверяли, что Чистяков получил приглашение на работу в Стэнфордский университет и только перспектива спокойной жизни за границей в роли профессорской жены подвигнула Анастасию на столь неожиданный шаг. У третьих, краем уха наслышанных о нескольких слож-

ных ситуациях, в которые попадала Настя, сложилась оригинальная версия, согласно которой та просто стала бояться жить одна.

Но какими бы ни были объяснения, внешне поведение Настиных знакомых было совершенно одинаковым. Они подтрунивали над ней, но не скрывали своего одобрения. В конце концов, давно пора остепениться и стать как все.

Сегодня, двенадцатого мая, накануне свадьбы, все как с цепи сорвались. Не проходило и двадцати минут, чтобы кто-нибудь не позвонил или не зашел в ее кабинет с очередной дурацкой шуткой. Даже серьезный и неулыбчивый Игорь Лесников, позвав ее обедать и получив вежливый отказ, съехидничал:

— Конечно, сегодня можешь и поголодать. С завтрашнего дня у тебя дома будет персональный повар.

Настя не обиделась, потому что прекрасно понимала, на что намекал Игорь. Она была патологически ленива во всем, что не касалось работы. Она действительно не умела готовить, не любила ходить по магазинам, а дома старалась питаться так, чтобы количество грязной посуды было минимальным. Зато Леша был царь и бог не только в математике, но и на кухне. С тех пор как Настины родители разменяли свою большую квартиру на две маленькие и отселили взрослую дочь, Леша взял на себя заботу о здоровье своей подруги, потому что, если бы он не приезжал к ней как минимум раз в неделю готовить обед, она так и питалась бы бутербродами, запивая их немыслимым количеством крепкого кофе.

С огромным удивлением она узнала, что весть о ее предстоящем замужестве достигла не только ее друзей. Собственно, в том, что об этом узнали многие, ничего странного не было, но она не предполагала, что этот факт может интересовать кого-то, кроме тех, кто ее давно знает. Оказалось, она была не права.

Несколько дней назад она приезжала в городскую прокуратуру к следователю Ольшанскому и столкнулась у него в кабинете с человеком, которого сама же разоблачила несколько месяцев назад и который ныне сидел в следственном изоляторе.

— Не повезло мне, — криво усмехнулся тот. — Протянул бы до мая, а там вы меня уже не поймали бы.

— Это почему же? — заинтересовалась Настя. — Куда б вы делись?

— Я бы никуда не делся, а только вы вышли бы замуж, — пояснил кандидат на высшую меру.

— Ну и что?

— И ничего. Вам не до меня стало бы. Это только у старых дев хватка бульдожья, потому что они вообще всех мужиков ненавидят. А у замужних женщин голова другим занята, они уже не работники, а так, отсиживают и зарплату получают. Так что я, считайте, неудачник.

Вернувшись на Петровку, Настя рассказала об этом своему начальнику, полковнику Гордееву.

— Вот! — торжествующе воскликнул он. — А я тебе что говорил?

— А что вы мне говорили? — растерялась она, не понимая, что так воодушевило Виктора Алексеевича.

— А я тебе говорил, что самое грозное оружие сыщика — это его репутация. Не умение стрелять из «пушки», не быстрые ноги, не черный пояс карате, а именно репутация. Ты у меня маленькая тихая девочка, никто тебя не видит и не знает, сидишь в своем кабинетике и аналитические справочки для меня сочиняешь. Верно? А видишь, уголовнички наши тебя обсуждают. Значит, ты им интересна. Значит, ты для них опасна. Если уж они сами это признают, то это самая верная оценка. Запомни, Стасенька, плох тот

сыщик, о котором уголовный мир ничего не знает. Потому что раз не знает, значит, не интересуется. А раз не интересуется, значит, не боится. Значит, прошел преступник через руки такого сыщика и не заметил его, не запомнил. Уяснила?

— Да бросьте вы, Виктор Алексеевич, — вяло отмахнулась она. — Какой я сыщик? Смех один. Я аналитик, а не сыщик.

— Ну, смейся, смейся, — добродушно разрешил полковник. — Поглядим еще, долго ли ты будешь смеяться.

Это было четыре дня назад, и тогда Настя Каменская даже не подозревала, насколько прав ее начальник. И сегодня, накануне свадьбы, ей и в голову не приходило, что пройдет меньше суток, и она убедится, что преступники знают не только ее имя и фамилию. Но это случится лишь завтра, а сегодня она сидела в своем кабинете на Петровке, 38 и методично разбирала скопившиеся в сейфе и в ящиках стола бумажные завалы.

Почти в половине восьмого позвонил отчим.

— Ребенок, ты поедешь со мной в аэропорт встречать маму?

Настя замаялась. Она не видела мать несколько месяцев, но ведь все равно они завтра увидятся. А ей еще столько всего нужно сделать...

— Понял, — сухо сказал отчим. — Ты опять вся в делах.

— Ну папуля, — умоляюще протянула она. — Мне перед отпуском нужно все хвосты подчистить. Ты же сам знаешь.

— Знаю, — смягчился Леонид Петрович. — Слава богу, у тебя ума хватило отпуск взять. Ладно, поеду один.

— Спасибо, папуля, — с чувством сказала Настя. — Завтра увидимся.

Господи, как же ей повезло в жизни! Отчим, которого она, сколько себя помнила, называла папой, всегда понимал ее с полуслова, потому что сам много лет проработал в уголовном розыске. Начальник, с которым у нее за все восемь лет ни разу не возникало проблем. И Леша, который не только любит ее, но и знает как облупленную, поэтому никогда за все годы знакомства не сделал по отношению к ней ни одного неверного движения. Правда, ей понадобилось немало времени, чтобы понять, что это-то и есть самое ценное в человеческих отношениях, а вовсе никакая не африканская страсть и прочие глупости. Как только эта простая истина открылась ей, она тут же согласилась выйти за Чистякова замуж. Но объяснить это кому бы то ни было оказалось просто невозможным. Внешне все выглядело так, будто она согласилась выйти за него только потому, что он подарил ей компьютер. Даже самый близкий товарищ ее по работе Юра Коротков, и тот не мог ее понять.

— Лешка получил большой гонорар за учебник и купил мне компьютер, не сказав ни слова, — объясняла Настя. — А потом вышел меня встречать на автобусную остановку и стал спрашивать, не хочу ли я поехать куда-нибудь на Средиземное море отдыхать. Ты понимаешь? У меня дома уже стоял распакованный компьютер, а он идет по улице и спрашивает, не хочу ли я эти деньги потратить на поездку.

— А вдруг ты согласилась бы? — недоумевал Коротков. — Захотела бы на море, а он уже деньги потратил. Что тогда?

— Так в том-то и дело, что он был уверен в моем ответе, — горячилась Настя. — Он настолько хорошо меня изучил, что совершенно точно знал, чего я хочу больше. Хотя я ни разу не заикнулась ему ни о том, что мне нужен компьютер для работы, ни о том,

что я хочу на Средиземное море. Представь себе, что твоя жена каждый день по утрам дает тебе яичницу, потому что готовить что-нибудь серьезное на завтрак времени нет, а одним чаем ты не обойдешься. Исходя из традиционно имеющихся в доме продуктов, она может предложить тебе либо сосиски, либо яичницу, но сосиски ты терпеть не можешь, поэтому каждое утро ты получаешь свою глазунью. И вдруг ситуация стала другой, набор продуктов кардинально изменился. Яиц больше нет, зато есть йогурты, салат из креветок и крабов, ананасово-банановый десерт, свежие устрицы и барбекю. Она сможет, не задавая тебе ни одного вопроса, совершенно точно выбрать то, что ты захочешь съесть на завтрак? Заметь себе, раньше ей такую задачку решать не приходилось, потому что ничего этого раньше и в помине не было. Ни ты, ни она этого никогда не ели и вкус этих продуктов не обсуждали. Сможет?

— Вряд ли, — покачал головой Коротков. — Да я и сам, наверное, не смогу выбрать. Из того, что ты назвала, я только йогурт ел.

— Ну вот, видишь. Точно так же и Лешка. Он никогда не обсуждал со мной вопрос о том, как бы я захотела истратить три тысячи долларов. У меня таких денег сроду не было, у него тоже, так что и обсуждать было нечего. А когда они появились, он совершенно безошибочно определил, что бы я с ними сделала. Для этого надо не только знать меня, но и чувствовать, как себя самого. Вот тогда я и поняла, что другого такого Лешки в моей жизни никогда не будет.

— Ну конечно, — скептически усмехнулся Коротков, — ни один нормальный мужик не станет терпеть твою бесконечную работу и твою безразмерную лень. Признайся, тебе просто захотелось семейного

уюта, но созданного чужими руками, и не пой мне песни про высокие чувства. А то я тебя не знаю!

— Да ну тебя, Юрка, — вздохнула Настя. — Вечно ты все опошлишь.

История с компьютером не убедила никого, но тем не менее все было именно так. И сегодня, в пятницу, около девяти часов вечера, запирая дверь своего кабинета и мысленно прощаясь с ним почти на полтора месяца, Анастасия Каменская подумала, что, пожалуй, не совершает ошибку, выходя замуж.

По дороге к метро она вспомнила, что собиралась купить подарок сводному брату. Александр Каменский, сын Настиного отца от второго брака, тоже собирался вступать в брак и тоже завтра. Он был моложе ее на семь лет и прожил свою жизнь в суматошных делах бизнеса, унылых сухих расчетах и больших долларах. Он был удачно, но скучно женат и не помышлял ни о каких праздниках жизни, пока не встретил удивительную девушку, которая любила его горячо, искренне и совершенно бескорыстно. Саше понадобилось немало времени и усилий, чтобы в это поверить, зато потом он в одно мгновение превратился в волшебника, для которого наивысшим наслаждением было делать подарки и устраивать чудеса. Узнав, что сестра, сыгравшая такую большую роль в его отношениях с Дашей, выходит замуж 13 мая, он пустил в ход все свои способности и деньги, чтобы успеть развестись, и договорился, чтобы его бракосочетание с новой невестой было назначено на этот же день. Конечно, ему хотелось бы, чтобы обе свадьбы состоялись в одном загсе, но тут не помогли никакие связи: регистрировали браки только по месту жительства жениха или невесты. Исключение составлял только Дворец бракосочетаний, где регистрировали всех, но тут Настя стояла насмерть:

никаких Дворцов, никакой помпезности, все должно быть быстро, тихо и скромно.

Его грандиозный замысел состоял в том, что сначала Настя с Алексеем и он с Дашей поедут к десяти утра в один загс, где Саша женится на своей невесте, а сестра и ее жених выступят в роли свидетелей, потом они сядут в машину и поедут в другой загс, где зарегистрируют свой брак Настя с Лешей, а они с Дашей будут свидетелями. После чего дружной толпой они двинутся в ресторан, где уже будут ждать четыре родительские пары, и скромно пообедают.

— Может, не стоит? — сомневалась Настя, которая вообще не собиралась делать из своего бракосочетания вселенский праздник. — Я не думаю, что наш с тобой общий отец будет чувствовать себя хорошо в присутствии двух жен, бывшей и нынешней.

— Ох, Ася, не выдумывай. Столько лет прошло, это уже никого не может взволновать. Наоборот, я уверен, что это — правильный ход. Ты так много сделала для нас с Дашкой, что я не могу не быть на твоей свадьбе и не хочу праздновать свою без тебя.

— Ну и не надо было подстраивать их в один день, — в сердцах сказала Настя. — Сам же создаешь трудности, а потом с героическим рвением все должны их преодолевать. Поженились бы с разницей в неделю, что страшного?

— А праздник? — возмущенно спросил брат. — Весь же смысл в том, чтобы в один день. Такая красивая история! И годовщины потом будем отмечать вместе. Ася, ты живешь совковыми представлениями, ты не понимаешь, какие праздники можно себе устраивать сейчас. Конечно, в этом году мы уже никуда не поедем после свадьбы, Дашке рожать через два месяца, а на будущий год мы можем отпраздновать нашу первую годовщину, например, в Мадриде. Вторую годовщину — в Вене. Третью — в Париже.

Мы будем ездить вчетвером, мы сделаем из этого традицию, красивую традицию, которую будем беречь и поддерживать, а все будут удивляться, ахать и качать головами, потому что ни у кого не будет такого замечательного праздника — брат и сестра и их супруги отмечают свои одинаковые свадебные годовщины.

— Саша, соразмеряй, пожалуйста, свои намерения с моим материальным положением, — раздраженно отвечала ему Настя. — Я не поеду ни в Мадрид, ни в Вену, ни в Париж, у меня никогда не будет на это денег. Твои замашки миллионера меня из себя выводят.

— Иди ты к черту, — хохотал в ответ Александр Каменский, который был так ослеплен любовью, что никому не позволял омрачать им же самим созданный прекрасный мир. — Ты — моя сестра, и я буду возить тебя по всему миру за свои деньги.

Ему удалось настоять на своем, и завтра предстояло отпраздновать сразу две свадьбы. Подарок для Даши Настя купила давно, а вот покупку подарка для брата все откладывала на потом. В результате пришлось заняться этим сегодня вечером.

На Пушкинской площади она села в троллейбус и поехала на Арбат. Ей казалось, что именно там в киоске она видела роскошный офисный набор для делового человека. Медленно двигаясь от киоска к киоску и с трудом преодолевая искушение купить большую банку сырных шариков, Настя вдруг заметила машину, показавшуюся ей знакомой. Спустя секунду она вспомнила, чья это машина, но что-то неприятно резануло глаз. Она сосредоточилась и снова глянула через окно в салон. Там, на заднем сиденье, лежал плащ из ярко-алой лайки с черными вставками. Она хорошо помнила этот плащ, такие в Москве встречались редко.

Настя медленно обвела глазами улицу и увидела небольшое открытое кафе. Владелец автомашины и обладательница дорогого экстравагантного плаща сидели за столиком к ней спиной и о чем-то увлеченно беседовали. Собственно, теперь Насте не было до этого никакого дела, но все же, все же...

Она неторопливо подошла к прилавку, взяла чашку кофе и пирожное и села за соседний столик, стараясь выбрать место так, чтобы не бросаться парочке в глаза и в то же время хорошо слышать, о чем они говорят.

— ...очень жарко. Мои знакомые ездили туда в июле, говорят, что умереть можно с непривычки. Туда нужно ехать попозже, в сентябре, — доносился до нее чуть капризный голосок девушки.

— Но мы же ездили с тобой в прошлом году в июле, — возражал ее спутник. — По-моему, было в самый раз. Ты даже не обгорела.

— Что ты сравниваешь! — презрительно фыркнула девушка. — Мы же были в Коста-Браве, там совсем другой климат. А в Турции в июле мы с ума сойдем.

— Мне говорили, что в Турции есть одно место, самое экологически чистое, так там очень хорошо даже в июле, — не сдавался молодой человек. — Сосны, песок, воздух свежий.

— Что за место? — недоверчиво спросила его подруга.

— Это... как его... Вот черт, забыл, как оно называется.

— Оно называется Кемер, — громко сказала Настя, не поворачивая головы в их сторону.

— Точно, Кемер! — обрадованно подхватил мужской голос.

— Между прочим, подслушивать неприлично, —

с вызовом сказала девушка. — И вмешиваться в чужие разговоры — тоже.

Настя осторожно поставила чашку на столик и повернулась к ним. В первую секунду они ее не узнали. Потом парень резко побледнел, а у девушки, напротив, выступили на скулах красные пятна.

— Я бы на вашем месте не рассуждала о приличиях, — спокойно заметила Настя. — То, что вы сделали, подпадает под статью Уголовного кодекса о заведомо ложных показаниях.

— Вы не докажете! — вспыхнула девушка. — И вообще это неправда.

— Что — неправда? То, что вы в прошлом году ездили вместе отдыхать? То, что вы давно и хорошо знакомы?

— Ну и что? — продолжала упираться та. — Что такого, что мы знакомы?

— Да ничего, — вздохнула Настя. — Просто алиби вашего дружка выглядело очень убедительным именно потому, что вы, случайная прохожая, твердо его опознали как человека, который столкнулся с вами на улице как раз в то время, когда на другом конце города было совершено преступление. А коль вы на самом деле знакомы, то картинка получается совсем другая.

— Все равно, дело уже закрыто, — вмешался наконец молодой человек.

— Как закрыли, так и откроют, — пожала плечами Настя. — Делов-то.

Такого оборота парочка явно не ожидала. Видно, они считали, что если уголовное дело закрывают, то это уже навсегда. Наверное, никто им не объяснял, что дела о нераскрытых преступлениях не закрывают в течение многих лет. Их всего лишь приостанавливают, но в любой момент производство по делу может быть возобновлено.

Настя допила кофе и встала.

— В понедельник я сообщу следователю о нашей с вами трогательной встрече, а уж он пусть решает. Не исключено, что вам повезет, и он не сочтет мое сообщение достойным внимания. Но я вас все-таки предупреждаю.

Парочка молча проводила ее глазами. От разговора у Насти остался неприятный осадок. Она живо вспомнила избитую и изнасилованную девушку, которая на опознании держалась не очень уверенно, потому что из-за испуга и боли плохо запомнила лицо преступника. Зато эта маленькая сучка, ездившая каждый год отдыхать на модные курорты, твердо заявила, что видела этого молодого человека совсем в другом месте. Она его хорошо запомнила, потому что, видите ли, он принадлежит как раз к тому типу мужчин, который ей больше всего нравится. И ведь не солгала, мерзавка, он ей действительно нравится.

Купив наконец подарок брату, она зашла в будку телефона-автомата и позвонила следователю.

— Константин Михайлович, простите, что звоню домой, но завтра у меня будет суматошный день. А с понедельника я в отпуске.

— Ничего, ничего, говори.

— Я только что узнала, что у Артюхина было ложное алиби. Девушка, которая его опознала как человека, спрашивавшего у нее дорогу, на самом деле его давняя подружка.

— Ишь ты! — присвистнул Константин Михайлович. — Выходит, они нас изящно надули?

— Выходит, что так. Я их успокоила до понедельника.

— Ладно, Настасья, я понял. Завтра начну проверять, только ты мне скажи, что именно.

— Они в прошлом году вместе ездили отдыхать в

Испанию, в Коста-Браво, в июле. Значит, они знакомы не меньше года.

— Вот дряни. Погоди-ка, — спохватился он, — у тебя же завтра свадьба. Или я путаю?

— Нет, не путаете.

— Так чего же ты...

— Но свадьба-то завтра, а не сегодня. Сегодня я еще работаю.

— Каменская, тебе никогда не говорили, что ты чокнутая?

— Регулярно говорят. Вы будете сто девятнадцатым.

— Слава богу, на свете, кроме меня, есть еще сто восемнадцать нормальных людей. А твой будущий муж тоже из их числа?

— Нет, — улынулась она, — он еще более сумасшедший, чем я. Когда приезжает ко мне на выходные, берет с собой свои бумаги и пытается что-то написать.

— Ну, два сапога — пара. Счастливо тебе. А Артюхина я уделаю, как бог черепаху. Ступай под венец и ни о чем не беспокойся.

* * *

Домой она вернулась в двенадцатом часу. Чистяков сидел на кухне и раскладывал пасьянс. Завтрашнее мероприятие его, как и Настю, ничуть не волновало. Может быть, оттого, что он слишком долго ждал этого и за долгие годы успел «перегореть».

— Лешик, ты сердишься? — робко спросила она, переступая порог. — Извини, солнышко, так много дел скопилось, я даже маму встречать не поехала. И еще подарок Саше купить надо было...

— А меня предупредить не надо было? — серди-

то откликнулся Чистяков. — Ночь на дворе, а тебя где-то носит. Есть будешь?

— Будешь. То есть буду, — поправилась она.

Глядя на уплетающую салат Настю, Леша смягчился. Жива-здоровая — и хорошо. Ее все равно не переделать. Да и не нужно, наверное.

* * *

Эля Бартош расстегнула замочек и сняла с шеи очередное украшение.

— Это тоже не годится, — со вздохом сказала она. — Оно слишком яркое и отвлекает внимание от платья. Что у нас еще есть?

— Успокойся, наконец, — раздраженно откликнулась Тамила. — Ты так готовишься, словно это единственное событие в твоей жизни и других уже не будет. Знаешь, что говорил в свое время твой дед профессор Берекашвили? Что в нашей жизни есть только одно событие, которое никогда не повторяется: защита кандидатской диссертации. Человек может написать и защитить хоть пять диссертаций, но только одна из них, самая первая, будет кандидатской, а все остальные — уже докторские, даже если они по совершенно разным специальностям. А замуж можно выходить десятки раз, пока ноги носят. Поэтому не стоит относиться к завтрашнему событию как к слишком серьезному и ответственному. Ну, подумай, сходите в загс, после этого проживете несколько месяцев, напьетесь вместе, утолите юношеский голод, потом тебе это надоест до смерти и ты побежишь разводиться.

Эля опустила голову и тяжело села на стул, не обращая внимания на то, что мнет роскошное свадебное платье. По ее щекам тихонько заструились слезы, она шмыгнула носом и отерла лицо ладонью.

— Ну, начинается, — сухо сказала Тамила, аккуратно складывая в коробочки разбросанные по столу дорогие украшения. — Ты такая нервная, моя дорогая, что тебе уже и слова сказать нельзя. Держи себя в руках, иначе людям трудно будет с тобой общаться. Шутки ты не понимаешь, чуть что — обижаешься, начинаешь плакать. И что у тебя за характер такой отвратительный!

При последних словах матери Эля сорвалась с места и убежала в свою комнату. Мать никогда не скрывала своего недовольства тем, какого жениха выбрала себе ее девочка. Она, дочь гордого и независимого грузинского ученого и известной писательницы из рода дворян Берсеневых, в свое время вышла замуж за венгра Иштвана Бартоша, сына аккредитованного в Москве дипломата. Зарубежные деловые связи по линии семьи мужа в сочетании с фамильными драгоценностями рода Берсеневых позволили Тамиле Бартош вести достаточно приятный и необременительный образ жизни, блистая на приемах и деловых обедах, сопровождая мужа в поездках сначала якобы к живущим за границей родственникам, а потом — по вполне легальным делам бизнеса. Яркая, раскованная, с породистым горбоносым лицом и густыми иссиня-черными кудрями, высокой грудью и пышными бедрами, Тамила постоянно была в центре внимания и в свои сорок пять не имела недостатка в поклонниках. О том, что значительная часть последних была привлечена отнюдь не ее достоинствами, а исключительно связями и богатством Иштвана, она и не думала. Выросшая в семье элитарной интеллигенции, свободно владеющая немецким и венгерским языками, с детства привыкшая к достатку, любви и всеобщему вниманию, она и по сей день воспринимала свою привлекатель-

ность как нечто само собой разумеющееся, что существовало всегда и исчезнет только вместе с ней.

Разумеется, будущий зять представлялся ей вполне определенным образом. И уж никак не в облике добросовестного очкарика-аспиранта, живущего вдвоем с матерью. Ни кола ни двора, ни блестящего будущего. Конечно, Пишта (Тамила, подчеркивая происхождение мужа, даже домашнее уменьшительное имя употребляла по правилам венгерского языка), так вот, Пишта мог бы сделать мальчику хорошую карьеру, взять его в дело, а потом, быть может, и в компаньоны. Но стоит ли? Аспирант отнюдь не выглядел золотым самородком, на обработку которого имело смысл тратить время и деньги. Обыкновенный дурачок, ни деловой хватки в нем нет, ни склонности к финансовой деятельности, ни ловкости и энергичности. Приглядевшись к нему повнимательнее, Тамила решила, что все дело в его невероятной сексуальности, против которой, конечно, не может устоять ее глупенькая молоденькая дочка. Парень был настолько сексуален, что это ощущала даже выдавшая виды Тамила. Когда включены столь мощные природные механизмы, любое препятствие только усиливает взаимную тягу, мудро рассудила мать, поэтому пытаться отговорить дочь и отменить свадьбу бессмысленно, этим можно только навредить. Ничего, пусть поженятся, цинично думала Тамила, натрахаются до обморока и отвращения, а потом можно будет потихонечку их развести. Надо только с самого начала выбить из дочкиной головы эту дурь о том, что муж дается небесами раз и навсегда, в нищете и богатстве, в горе и в радости, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит... Ну, и все в таком духе. Пусть Елена уже сейчас, накануне свадьбы, понимает, что событие завтра ей предстоит вполне